

12+

Полина Осипова

ПЕРВЫЙ ПРИНЦ

Полина Осипова

Первый принц

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Осипова П.

Первый принц / П. Осипова — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Непросто приходилось людям в 90-е годы 20 века – привыкшие строить жизнь в соответствии с идеалами одной страны, они вдруг оказались у осколков того, чему верили. Тяжелее всего пришлось детям – то, чему их учили в младшей школе, рухнуло, идеалов не стало, а родители проводили все время на работе с одной целью – выжить. И в этой атмосфере происходит становление душ, взросление двух подростков – Лукьянова и Осинкиной, и их первая хрупкая влюбленность.

Он опять приснился мне сегодня – он, тень моей детской любви, родившейся, наверное, еще до знакомства с ним в ожиданиях, предчувствиях, мечтах о чем-то, не известном еще моему воображению, но уже дорогим и желанным, и ушедшей в никуда, оставившей лишь потаенную память о себе, легкой, но с горчинкой, грусть о несбывшейся мечте.

Кажется, я влюблялась в него дважды – в одиннадцать и в пятнадцать лет: в первый раз – в веселого и обаятельного симпатягу-мальчишку, потом – в красавца-парня, почти уже сложившегося мужчину. И оба раза – в него одного. Нет, на самом деле я просто обманываю саму себя – от одиннадцати лет к пятнадцати тянулась тонкой ниточкой, но все же жила в душе невысказанная грусть по нему, а потом укрепилась и разрослась до любви.

Не могу вспомнить того момента, когда впервые увидела его. Может быть, я знала всегда – вот этот высокий парнишка с зелеными, наполненными желтыми искорками, по-кошачьи сияющими глазами и короткой темно-пепельной челкой над почему-то черными, удивленно разлетевшимися бровями, – это и есть Сережка Лукьянов. Да просто Лукьянов! Тогда, в школе, у нас как-то не принято было называть друг друга по именам даже среди девчонок, что уж говорить о мальчишках. Имен просто не было – они оставались дома, а в школе – фамилии, реже – прозвища. Вот и были мы: он – Лукьянов, я – Осинкина. Зато как ласково можно было назвать по фамилии, как мелодично и нежно могла она звучать тогда, в пору первых, пробных и самых невинных и настоящих влюбленностей, и поэтому она, своя, родная, слышимая ежедневно по много раз, была привычней и любимей имени.

Да, казалось, я знала его всегда – общие знакомые, одна улица, соседние дворы, примелькавшиеся лица... И когда в шестом, экспериментальном, набранном из отличников и талантов классе, в котором, к своему удивлению, оказалась и я, появился Лукьянов, он мне уже был откуда-то знаком – этот высокий и плечистый мальчишка со смешной, мягкой, словно путающейся в ногах походкой. И я не заметила поначалу в кругу новых знакомых, что именно он давал мне забавные и одновременно ласковые прозвища, которые мгновенно прилипали, сливаясь с моим именем в единое и ничуть не обидное целое, именно он мимоходом ставил мой стул ножками на парту, чтобы поймать мой взгляд – сначала возмущенный, а потом понемногу теплеющий от его добрых и игривых лучистых задорных глаз.

И вдруг однажды я увидела, заметила и – поняла, но не поверила.

Еще бы, в свои одиннадцать лет, я, недавно потерявшая отца, была одинокой и брошенной всеми и одновременно – бывшие верные подружки выразили свои соболезнования, посочувствовали. Но они шли вперед и жили дальше, не понимая, и не желая задумываться о том, что я остановилась и замерла, застыла в каком-то миге из прошлого, не умея жить без самого лучшего в мире папы, – пожалели недолго, да и оставили где-то в стороне от себя.

Мама же боролась за выживание, пропадая днями напролет на работе, – незаконченная перестройка соперничала с проклевывающейся новой стихией, называемой демократией, денег не было – помнятся только гуманитарная помощь в виде пакетов сухого молока и трех свитеров, присланных из Америки, и вафли с сосисками, приносимые мамой два раза в месяц – пятого и двадцатого, в день зарплаты. Килограмм сосисок и пакетик вафель с грецким орехом были тогда настоящим праздником! И все думалось – если бы только был папа, если бы... И плакалось как-то само собой, дома – часами напролет, незаметно и привычно. И когда я, наконец, очнулась от своего горя, словно кошмарный сон, вспоминая свою жизнь за последние два-три месяца, и чуть-чуть, самую каплю, но все же захотела жить – я вдруг ощутила себя никому не нужной, отодвинутой в сторону, просто лишней и чуждой – для всех, как будто меня и не было.

И в этот горький миг неожиданно нагрянувшего полного одиночества, с удивлением заметив, как загораются при моем появлении веселые зрачки самого красивого парня класса, я начала оживать. Сам того не сознавая, он согревал мою еще детскую, но слишком измученную самым страшным взрослым испытанием душу. Я оттаивала, но не понимала, как и почему

могу ему – лучшему, нравиться именно я, я – у которой два спортивных костюма на смену, купленные по талонам в Центральном Детском мире, и ни грамма косметики на лице – только большие черные глаза и синеватые тени под ними, да тонкий хвостик сзади из черных коротких волос.

А девчонки, радуясь недавней отмене школьной формы, ходили одна наряднее другой и бросали на Лукьянова призывные взгляды смело подкрашенных глаз. А он смотрел на меня, смотрел, улыбался, и в свете его улыбки становилось тепло, уютно и впервые за долгое время – спокойно, и верилось всей душой, что все будет хорошо, что должно так быть.

Так ярко, словно бы это было вчера, вспоминается тот «Огонек» – школьный праздник с дискотекой на 8 марта, мамина блузка, чуть переделанная для меня, – морковно-красная, с черными рюшками, черная же юбка – тоже мамина, отрезанная до колен... И тогда я уже знала одно: и юбка, и блузка, и я – все это приготавливалось, все было для него, для Лукьянова, чтобы он увидел, замер на миг и остановил на мне замороженный взгляд.

Мама расчесала и уложила феном в пышную летящую прическу мои непослушные чуть выющиеся черные волосы, слегка провела по губам розовой помадой с очень сладким запахом, дала свой серебряный перстенок с маленьким переливающимся камушком, капнула на шею неприкосновенными французскими духами, хранимыми годами в шкафу, и я пошла, поплыла, впервые в жизни довольная своим отражением в зеркале, в школу – к нему, навстречу его взгляду.

И все случилось именно так, как мечталось. Нет, даже лучше. Ни одна, даже самая прекрасная мечта не отразит в себе той силы ощущений, той смеси восторга, страха и сладостного безумства, которыми наполнены некоторые, самые короткие, но самые запоминающиеся в жизни, остановленные счастьем мгновения. И я смеялась в душе над своими мечтаниями – они и знать не могли, что жизнь бывает ярче и радостней их.

Мой принц смотрел ошарашенно и нежно, не узнавая и не будучи в силах оторвать взгляд, я же, нарядная и счастливая, наверное, впервые в жизни почувствовала себя красавицей, отразившись, как в зеркале, в глазах первого парня класса.

Мальчишки удивленно косились на меня, будто видя впервые, девчонки втайне завидовали – не моей неожиданной красоте, а в упоении любимым мной, уже переставшим быть тайными взглядам, а я просто дышала этим моментом радости и не видела ничего и никого вокруг.

Всем классом пили чай, устраивали конкурсы – стандартный «Огонек» самого обычного класса, а все же для каждого из нас он был особенным, потому что этот праздник был наш, и мы, особенно – начинающие расцветать девчонки, ждали от него чего-то необычного, заветного, веря каждая – в свое чудо.

Начиналась дискотека – время редкого, но желанного и как будто случайного сближения в танце еще стеснительных мальчиков и взрослеющих чувствами девочек. Самые смелые из девчонок уже выскочили стремительно в центр класса, уставленного партами вдоль стен – чтобы освободить пространство для танцев, и запрыгали весело и задорно под быструю и громкую музыку, льющуюся из магнитофона, поставленного на учительский стол. «Математичка», она же – наш классный руководитель – Надежда Ивановна, женщина с твердым характером и добрым лицом, устав от нашей суеты, беготни и шума, предупредив, что скоро вернется, спешно вышла в коридор.

Я проводила ее глазами, посмотрела задумчиво на закрывшуюся за ней белую дверь класса, почувствовала на себе взгляд – привычный и родной, как солнце, как воздух, и вдруг ощутила случайную, вспышкой мелькнувшую в голове и уже готовую ускользнуть мысль, продиктованную зарождающейся в моей душе взрослой женщиной: «А если мне тоже выйти? Проскользну в дверь незаметно, когда отвернется, чтоб не видел, сяду в коридоре на подоконник... Потеряет меня, пойдет искать, значит, и правда – нужна ему именно я, а останется там – внутри,

в классе, с девчонками, тогда зачем вообще это все, тогда ни надежд, ни мечтаний не надо больше!».

Тихо и незаметно я просочилась в коридор – только он отвел от меня долгий, то грустный, то счастливо-радостный взгляд, шагнула к окну напротив двери класса, уселась на подоконник, отвернувшись и глядя на улицу – на голубей и воробьев, то летающих, то медленно вышагивающих по затвердевшим от дневного, уже пахнувшего весной тепла сугробам. Не прошло и двух минут с того момента, как я забралась на подоконник, за спиной тихо скрипнула дверь класса, послышались шаги – кто-то вышел и тихо, несмело подошел. Я не оборачивалась, глядя в окно с театрально-задумчивым видом, напоминающим скорее томную барышню девятнадцатого века. Мне не нужно было видеть – я знала, кто это приблизился и замер в легкой нерешительности – неужели я могла не угадать его мягкие тяжеловатые шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.